

БЕЗУСЛОВНО, у Дар-эс-Салама есть и более сложные загадки и проблемы, чем название города или смысл отдельных исторических памятников. Вот одна из них, — пожалуй, самая главная. По последней переписи, в 1967 году в столице насчитывалось 272 515

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

В. САВЕЛЬЕВ

*Собственный
корреспондент журнала
в странах Восточной Африки*

жителей, а все население страны составляло 12 231 тысячу человек. Демографы подсчитали, что за последнее время общий прирост населения в Танзании в среднем составляет 2,7 процента в год, в то время как Дар-эс-Салам растет со скоростью в десять процентов. Если так будет продолжаться, то где-то в середине 80-х годов на него придется десятая часть всего населения республики.

Определенная часть сельских жителей, главным образом молодежь, стихийно старается оторваться от земли, уйти на заработки в город. Именно за счет притока сельской неквалифицированной рабочей силы и создается высокий процент роста населения Дар-эс-Салама. В городе пока не ощущается острой проблемы безработицы. Тем не менее бурный приток деревенской молодежи уже начинает оформляться в определенную социальную проблему. Вместе со стихийным ростом города увеличивается, например, преступность.

Министр финансов Танзании А. Джамаль, выступая на сессии Национальной ассамблеи с проек-

том бюджета на 1971/72 финансовый год, предложил, в частности, увеличить импортную пошлину на различные механизмы для поднятия и транспортировки тяжестей до 30 процентов их стоимости, обосновав свое предложение так: «Было бы нереалистично полагать, что такая мера поможет намного увеличить занятость рабочих, но если она заставит управляющих компаниями лишний раз задуматься над выбором между местной рабочей силой и ввозимой техникой для определенных транспортных и складских операций, то уже это пойдет на пользу».

Разумеется, такой путь частичного ограничения механизации производства за счет более широкого привлечения дешевой местной рабочей силы может рассматриваться лишь как временное явление, до некоторой степени тормозящее рост безработицы. Тем не менее оно свидетельствует о том, что проблемы перенаселения города и занятости рабочей силы начинают уже вызывать определенные опасения в правительственных кругах.

Это явление не представляет собой нечто специфическое только для Дар-эс-Салама. Скорее наоборот: проблема урбанизации и роста городских низов в Дар-эс-Саламе ощущается гораздо меньше, чем, например, в столице соседней Кении — Найроби, где преступность достигла поистине угрожающих размеров и уже переросла в формы организованного гангстерства.

Необходимо также отметить, что муниципалитет Дар-эс-Салама и городские организации партии ТАНУ проявляют немалую заботу о социальном благоустройстве города. На моих глазах в Дар-эс-Саламе исчезли нищие. Министр внутренних дел Танзании С. Масванья, выступая недавно на пресс-конференции, подчеркнул, что в задачи правосудия входит не только наказание преступника, но и — в первую очередь — его перевоспитание. На прошедшем в августе 1971 года семинаре Молодежной лиги ТАНУ был поставлен вопрос об организации службы общест-

венного порядка, по сути своей напоминающей наши народные дружины.

НЕ СДАЕТСЯ ВНАЕМ

Другое явление представляет собой нечто весьма специфическое именно для Дар-эс-Салама. Это тоже произошло у меня на глазах, и я стал не только свидетелем, но и невольным участником событий, вернее, лицом, непосредственно заинтересованным.

В самом начале очерка я писал, что первые слова, которые я услышал на русском языке в аэро-

порту Дар-эс-Салама, были несколько обескураживающими. Речь шла о трудностях с жильем. И вот после нескольких дней в гостинице, после того как первое идиллическое восхищение первоначальной красотой природы несколько спало, я вплотную занялся поисками помещения под корпункт. Эти поиски заняли у меня несколько месяцев. Оказалось, что в Дар-эс-Саламе ничто не сдается внаем. Вы можете купить домик или квартиру, но не арендовать. Не то чтобы правительство запрещало сдавать внаем, так сказать, излишки площади, нет. Просто, чтобы обойти высокий налог на ренту, домовладельцы предпочитали заключать фиктивные контракты о купле-продаже и тем самым получать большой доход с капитала, вложенного в строительство жилых домов и на него строить новые и новые дома. Надо сказать, что «излишки» у некоторых были довольно крупные, измерявшиеся тысячами квадратных метров в многоэтажном доме, хозяин которого зачистую ютился с семьей где-нибудь в скромной малометражной квартирке, единственным украшением которой служила солидная чековая книжка.

Такой «бизнес» стал одним из видов выгодного помещения капитала в Дар-эс-Саламе еще в колониальные времена. Отсутствие крупных промышленных предприятий, монополизация производства экспортных сельскохозяйственных культур в руках европейцев

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 1 и 2 за 1972 год.

толкала на этот путь развивающийся буржуазный элемент в основном из лиц индо-пакистанского происхождения, которые, занимаясь торговлей, сколачивали определенный капитал и часть его вкладывали в строительство доходных домов.

Постепенно дело ширилось. Вокруг домовладельцев-рантье возникла категория шустрых, пронырливых брокеров — посредников в «купле-продаже», у которых тоже откладывался жирок. Сдал дом — с хозяина мзда и с жильца магарыч размером в месячную, а то и двухмесячную ренту.

Я знаю всех брокеров Дар-эс-Салама. Только с одним из них, мистером Говой, не познакомился лично, хоть и говорил несколько раз по телефону. Его убили при каких-то таинственных обстоятельствах, в кустах, — вытащили из собственного автомобиля и проломили затылок. Когда труп был обнаружен, мотор машины еще работал... Прочитав в газете короткое сообщение об этом инциденте, я подумал: «Кажется, я его все-таки видел».

Как-то в одном ювелирном магазине я попросил показать мне танзанит — драгоценный камень лилового цвета, который в хорошей огранке ценится наравне с сапфиром и даже бриллиантом. Любопытно было поглядеть на этот камень, который представляет собой большую редкость и получил название по имени страны, где он добывается. Хозяин магазина сказал, что танзанита у него нет, но зато, решив, видимо, похвастаться и, так сказать, поддержать фирму, вытащил из сейфа большой бриллиант слегка желтоватой воды. «Всего 20 тысяч фунтов», — сказал он с неподдельной гордостью. — Правда, его уже купили». Я для приличия повертел камушек в руках, сказал «спасибо» и направился к выходу. В это время в магазин вошел покупатель. Хозяин бросился к нему навстречу с подобострастной улыбкой: «Добрый вечер, мистер Гова! Вот и ваш бриллиант!». Мне было интересно, кто же покупает такие вещи. Я успел увидеть только затылок. Возможно, тот самый...

Когда полиция обнаружила труп Говы, в кармане его брюк оказалось около 600 шиллингов наличными. Убийц не привлекла эта сумма. Видимо, дело было в чем-то более крупном.

СИНГХ И СИНГХ

— Да поймите же, я не могу купить ни ваш дом, ни какой-либо другой. Я хочу снять дом, или

квартиру, или все что угодно, где только можно жить, но снять, взяты в аренду!

— А я вам и не предлагаю покупать. Кто знает, обстановка может еще измениться... Зачем же я буду продавать?

— Да ведь вы сами сказали, что собираетесь продать.

— Я сказал, что мы заключим с вами договор о продаже. Есть еще один вариант. Вы можете платить аренду не здесь, а где-нибудь за границей, скажем, в Швейцарии...

Этот разговор, который начался и не кончился, я вел с одним из домовладельцев-предпринимателей. Сингх, индеец, переселившийся в Дар-эс-Салам из Южной Африки и выдававший себя за жертву апартхеида, был не очень доволен и порядками в Танзании. Ему нужно было временно отделиться от одного дома, чтобы закончить строительство другого.

Проблема решилась неожиданно и просто. Это было похоже на удар грома, грянувший в тишине теплого, безоблачного апрельского вечера. У здания почты в несколько секунд возникло что-то вроде огромной драки. Люди лезли один на другого. Что происходило внутри — понять было нельзя. Потом я увидел, что в центре толпы находился мальчик, чудом уцелевший маленький разносчик газет, у которого расхватили все до единого номера экстренного выпуска правительственной газеты «Стандард». Сенсация! Принят декрет о национализации домовладений, стоимость которых превышает сто тысяч шиллингов, то есть практически не только крупных многоэтажных зданий, но и отдельных жилых домов. И один за другим в газетах стали появляться длинные списки с указанием бывших домовладельцев и места расположения их национализированной собственности. В одном из списков я встретил уже знакомое имя Сингха.

Брокеры развели руками: в буквальном смысле хоть «переквалифицируйся в управдомы». Что делать, куда бежать? Может, в Кению? Может, в Австралию или Канаду? Бизнес лопнул. Вернее, лопнуло терпение у танзанийского правительства. Как раз накануне выхода в свет декрета о национализации жилых домов в газете «Нэшнелист» — органе правящей партии ТАНУ — на первой полосе появилась статья, разоблачающая различные махинации с домово́й «куплей-продажей». Газета доказывала, что путем всяких незаконных сделок ловкие

дельцы грабят государственную казну на миллионы шиллингов, и прямо называла этих людей врагами социалистического общества.

С домовладельцами обошлись довольно мягко: один из домов, если живешь в нем сам, своей семьей, и, разумеется, если это не дом из отдельных квартир, можешь оставить себе. Остальные отдай. Если твой дом не старше десяти лет, то со временем получишь компенсацию. Казалось бы, куда еще мягче? Попользовался рентой — и хватит, свое получил сполна; не успел получить — подожди компенсацию.

Однако рантье сразу встали в позу обиженных. Национализации домов отдельные горячие головы сразу же попытались придать расовую подоплеку. Мол, в стране начинается некий «черный террор», чуть ли не какой-то апартхейд наизнанку! Бежим, мол, все отсюда за границу, здесь нам больше делать нечего.

Действительно, кое-кому, кто привык жить за чужой счет, национализация встала поперек горла. Как раз от них-то и стал исходить если не расовый, то, по крайней мере, кастовый душок. Началась нездоровая агитация внутри отдельных религиозных и национальных землячеств.

Приведу только один пример. Я получил дом от правительства, один из национализированных. Хозяин, уходя, вместе с люстрами и абажурами, которые раньше входили в «домовое оборудование», оборвал электропроводку. Пришлось чинить. Чинил Сингх, электрик, рабочий человек, не тому чета. Хороший парень, мастер на все руки. Разговорились мы с ним. Тоже, говорит, хочу за границу податься. Тебе-то, спрашиваю, зачем? У тебя, что, дома отобрали или другую собственность? Пожимает плечами: вроде бы ничего не отбирали, и отбирать-то нечего. Все равно собирается уезжать, и не куда-нибудь — в Англию! В страну, где уже несколько лет проблема азиатских беженцев стоит настолько остро, что введены самые строгие ограничения на въезд эмигрантов из развивающихся стран Азии и Африки...

Вот это выглядело бы не так уж серьезно, если бы призывы бежать за границу не сопровождались антиправительственной пропагандой. В одном районе местная организация ТАНУ поймала подпольного шептуна-агитатора. Созвали митинг, выставили его на общественный позор. Как писали в газетах, этим на первый раз ог-

раничились, но строго предупредили других подобных ему из бывших собственничков, которые втихую пытаются придать широкой общегосударственной кампании по национализации частной собственности некую несуществующую расовую подоплеку.

Национализация пробуждает определенные бунтарские настроения и в среде городских низов. Эти рассуждают примерно так: национализировать — так уж все до конца! Почему затронули только богатых? Я вот, мол, снимаю койку в одном из домов-суахили, хозяин дома — тоже эксплуататор! Почему не национализировали и его дом?

Подобные левацкие настроения свойственны какой-то части недавних выходцев из деревни, не нашедших еще своего места в городе. Кому-то из них, видимо, суждено вернуться назад, где их ждут вновь создаваемые коллективные деревни «уджамаа». Может быть, именно там им улыбнется счастье. Кому-то со временем и в городе удастся устроиться и найти подходящее жилье. Перед национальной корпорацией домостроения поставлена задача — уделять все больше внимания строительству недорогих квартир для наиболее низкооплачиваемых категорий трудящихся. Одновременно введены определенные ограничения на строительство зданий для государственных учреждений, а также компаний со смешанным, государственно-частным капиталом: стоимость их не должна превышать 75 тысяч шиллингов. Предусмотрена и такая форма строительства, несколько напоминающая наши кооперативы: государственная корпорация готовит участок, закладывает цементный фундамент, все остальное делается силами и средствами будущих хозяев дома.

Бурный рост населения Дар-эс-Салама уже не первый год привлекает внимание правительства Танзании, которое рассматривает различные пути решения этой проблемы. Еще в мае 1969 года, выступая на ежегодной национальной конференции ТАНУ, президент страны Джулиус Ньерере сказал: «Народ тянется из деревень в города в поисках работы и других доступных там благ, и в настоящее время Дар-эс-Салам стал величайшей притягательной силой. В результате этого в городе скопилось много людей, ищущих места, но не сумевших найти себя никакой работы, и немало других, не имеющих жилья. Хотел бы распространить эту

притягательную силу, сконцентрированную сейчас в одном месте, и на другие районы страны».

Речь идет о создании благоприятных условий для равномерного процесса урбанизации в масштабах всей республики. Эта мысль нашла отражение во втором пятилетнем плане экономического и социального развития Танзании на 1969—1974 годы. Одно из его положений гласит: «Дар-эс-Салам по своим размерам далеко превосходит другие города Танзании и растет быстрее любого из них... Если правительство не примет специальных мер, Дар-эс-Салам будет расти все быстрее и быстрее. От этого рост других городов только замедлится или вообще приостановится».

Правительство считает весьма важным стимулировать быстрый рост других городов в стране».

Исходя из этого предусмотрено преимущественное развитие следующих девяти городов: Танга, Аруша, Моши, Иванза, Тabora, Додома, Морогоро, Мбея и Мтивара. Эти города, расположенные в различных частях страны,

рассматриваются как наиболее перспективные центры будущего развития, новые центры «притягательной силы».

* * *

Вечером порт Дар-эс-Салама представляет собой феерическое зрелище. Огни, огни и огни. Разноцветные огоньки на мачтах и палубах океанских кораблей, которые стоят в желтом зареве, как громадный пирог, утыканный свечками, в ожидании именинника. Многие горожане приезжают сюда каждый вечер, чтобы отдохнуть, поглядеть на это всегда праздничное зрелище, подышать свежим океанским бризом. Вереницы машин выстраиваются вдоль набережной. У входа в бухту перемигиваются маяки.

Улицы не пустеют допоздна. И ближе к полуночи из переулков выныривают маленькие энергичные разносчики со свежими кипами газет, датированных уже завтрашним числом. Будущее рождается сегодня.

Дар-эс-Салам

Танзания: новые успехи

Значительно преобразился экономический облик Танзании за годы независимого развития. Создан государственный сектор, установлен контроль над иностранными компаниями — 51 процент их капитала является собственностью государственных экономических объединений. Национализированы банки, принят закон о ликвидации крупного частного домовладения.

В ходе выполнения второго пятилетнего плана (1969—1974 годы) создана легкая промышленность, практически отсутствовавшая до получения страной независимости, когда Танзании отводилась роль сырьевого придатка метрополий.

В текущем году планируется ввести в строй первый металлургический завод, разрабатываются планы освоения энергетических ресурсов страны.

Большое внимание правительство Танзании уделяет развитию народного образования. Пятилетним планом на нужды просвещения выделено 300 миллионов танзанийских шиллингов. К 1974 году планируется полностью ликвидировать неграмотность.